

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-4
К95

Оформление
Валерий Калныньш

Художник
Капыч

Кутузова, Л. В.

К95 Витька на Кудыкиной горе : повесть-сказка / Лада Валентиновна Кутузова. — М. : Время, 2020. — 192 с. : ил. — (Время — детство!).

ISBN 978-5-9691-1919-2

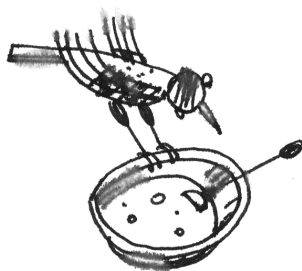
Витька живёт и не знает, что его мама — потомственная баба-яга, а папа — царевич из Тридевятого царства. Сам Витя лишён сказочного дара, а потому родители скрывают от него правду. Но однажды Витя проваливается в Тридевятое царство, и теперь только от него зависит, сможет ли он вернуться обратно.

ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN: 978-5-9691-1919-2

© Л. В. Кутузова, 2020
© «Время», 2020

Глава 1

У чёрта на куличках

Витя сидел на кухне, размазывал по тарелке овсяную кашу и мечтал о том, как здорово было бы иметь волшебный рюкзак. Раз — и достаёшь оттуда, что хочешь: последний айфон, или крутой планшет, или такую повязку на лоб, благодаря которой становишься самым умным и делаешь все уроки за один миг. А ещё неплохо такое устройство придумать, которое бы кашу превращало в мороженое, например. Красота бы была! Мама почему-то называла овсянку правильным питанием, но, по мнению самого Вити, ничего правильного в каше не было. Люди должны питаться вкусной едой, а не якобы полезной. Но с мамой не поспоришь, поэтому он запихнул в рот остатки завтрака и проглотил не разжёвывая.

С окна донёсся настойчивый стук: Витя распахнул форточку и впустил Каркушу. Ворона жила

у них уже четыре года, с тех пор как мальчик подобрал птенца под раскидистым тополем, растущим неподалёку. Взрослых ворон рядом не оказалось, и Витя принёс птенца домой. Каркуша прижилась в семье, время от времени улетала на вольные хлеба, но постоянно возвращалась. Витя положил в миску сухой творог, смешанный с зерном, и ворона начала клевать.

В коридоре зазвонил телефон. Витя взял трубку, из неё сквозь невообразимый треск донёсся папин голос:

— Привет, сын. Мама где?

— В ванне, полчаса плещется, наверное, жабры уже отрастила, — наябедничал Витя.

— Ты передай, что завтра я не прилечу, у нас штормовое предупреждение объявили. Говорят, воздушное сообщение на несколько дней прервут.

— А сам ты как? — растерялся Витя.

— Нормально. Маме привет.

Витя сбегал к ванной комнате и через дверь передал папины слова. Потом они с мамой несколько раз перезванивали, но телефон отца молчал.

Самое неприятное состояло в том, что мама собиралась на семинар в Прагу. Её участие было утверждено полгода назад, так что отказаться она никак не могла.

— Что же с тобой делать? — Мама металась по квартире. — Светка в Турцию улетела, Лен-

ка в больницу с аппендицитом загремела. Ума не приложу, с кем тебя оставить!

— Мам, я могу и один пожить, — предложил Витя. — Яичницу жарить умею, пельмени отварить — пара пустяков. А там и папа вернётся.

Витя уже размечтался, как заживёт вольной жизнью. Никакой овсянки! Кровать можно не заправлять, зубы не чистить... Красота! Но маме его идея не понравилась:

— Ещё не ясно, когда папа вернётся, по прогнозу ничего хорошего не предвидится. А одного тебя оставить мне совесть не позволит — вдруг что случится?

— А если я с тобой поеду? — опять предложил Витя.

— Не получится, виза нужна. — Мама расстроилась. — А такому количеству народа я глаза отвести не смогу.

— Чего?! — не понял Витя.

— Ничего, это я так, сама с собой разговариваю.

Родители вечно чего-то недоговаривали. Вите стало досадно: он же не маленький. Пора перестать считать его ребёнком и секретничать между собой.

Между тем мама с ног до головы осмотрела Витю, словно впервые увидела. Нахмурилась, что-то пошептала себе под нос, а затем решительно объявила:

— А отправлю-ка я тебя, Виктор Иванович, — мама иногда называла его, словно большого, —

к прабабушке твоей в Куличково. На одну ночь защиту поставлю, а там баба Яда за тобой присмотрит. Побудеешь на чистом воздухе, заодно с ней познакомишься.

Ещё одна тайна — защита какая-то! И выпытывать смысла нет — ничего не скажет.

Про маминых и папиных родственников Витя до сегодняшнего дня знал только то, что они есть, — и ничего больше. Папины родители жили где-то далеко, в другой стране. Папа как-то обмолвился, что бабушка и дедушка — разведчики глубокого внедрения. Такого глубокого, что даже думают на иностранном языке, а не на родном. Поэтому поездки друг к другу в гости были невозможны, обмен фотографиями — тоже. Мама, правда, во время папиного монолога выразительно закатывала глаза и зачем-то стучала пальцем по лбу, так что Витя засомневался, хотя и промолчал.

Бабушка по маминей линии жила в каком-то закрытом научном городке. Туда пускали только по спецпропускам, а самих учёных вовсе не выпускали.

«Наверное, — рассудил Витя, — чтобы их открития не утащили всякие шпионы, такие, как папины родители».

Имелась ещё прабабушка, которая жила, по маминим словам, у чёрта на куличках. Вот к ней-то и суждено было отправиться Вите.

— Меня же одного в поезд не посадят, мне четырнадцать нет, — попробовал сопротивляться он.

— Посадят и даже высадут, — твёрдо пообещала мама, — уж это я смогу обеспечить.

— А как же бабушка меня встретит? Ты говорила, что там мобильная связь отсутствует.

— А Каркуша на что? Слетает и предупредит, чтобы ждали дорогого гостя.

Мама что-то прошептала вороне, и та сразу вылетела на улицу. Витя проводил её недоуменным взглядом. Даже Каркуша знает больше его!

На следующий день мама отвезла Витю на вокзал, купила билет, хотя он до последнего надеялся, что все билеты будут распроданы, и посадила в поезд. Проводница совсем не удивилась, что десятилетний мальчик едет без сопровождения взрослого.

— Высадите его в Куличкове, это через двадцать минут после Дмитровска, — попросила мама проводницу. — Машиниста я предупрежу.

Зачем и о чём мама будет предупреждать машиниста, Витя не знал. С его родителями многое было не ясно, но он считал, что лучше не будить лихо, пока оно спит тихо. Если родители отмалчиваются, значит, так надо. Но ничего, когда-нибудь он докопается до их секретов. Ладно бабушки-дедушки, которые якобы жили в труднодоступных

местах и потому никак не могли увидеться с внуком. Сами предки отчебучивали чёрт-те что, а потом делали вид, что ничего не было!

Однажды папа решил запечь курицу. Он запихнул её в духовку, а после они с Витей увлеклись компьютерной игрой и про ужин забыли, пока из кухни не запахло палёным. Папа кинулся спасать курицу, но было поздно — она сгорела.

— Ничего, — папа успокаивал Витю, хотя тот и не думал волноваться, — сейчас что-нибудь придумаем... только маме не говори.

Он залез в шкафчик, достал оттуда перец и обсыпал им курицу. Затем сказал несколько непонятных слов.

«Наверное, на английском», — решил Витя, который в языках был слаб.

Курица вспыхнула, на её месте возникла огненная птица с хохолком на маленькой голове. Она облетела квартиру, оставляя шлейф дыма и искр, и выпорхнула в окно. После полчасика пришлось проветривать комнаты.

Витя честно не собирался рассказывать об этом маме, хотя его распирало от любопытства, а папа на расспросы отмалчивался и протирал стёкла очков. Но мама узнала обо всём сама. Ещё в прихожей она энергично задвигала носом, втягивая в себя воздух, а затем закричала так, что на при-

паркованных возле дома машинах сработала сигнализация.

— Феникс! Огненный! В момент воскрешения! — бушевала она. — О чём ты думал? Да он же неустойчив к сказочной среде. А если бы взорвался?! Если ты о себе не думаешь, подумал бы о ребёнке.

Витя не поверил собственным глазам: у мамы из ушей повалил пар. До этого момента он считал, что «пар из ушей» — это такое образное выражение, когда говорят о рассерженном человеке.

Пока родители выясняли отношения, то есть мама кричала, а папа тербил очки, Витя сел за компьютер и набрал слово «феникс». Поисковик выдал несколько тысяч ссылок. Витя прошёл по одной из них и узнал, что феникс — это мифологическая птица, сгорающая в огне, а после возрождающаяся. Но что делала сказочная птица в их доме, так и осталось загадкой: родители на следующий день прикинулись страдающими потерей памяти. Мол, ничего не было, а огненное видение Вите просто почудилось — и всё тут. И он отстал — неохота себя глупцом ощущать. Вскоре Витя и сам поверил, что происшедшее — сон или он так сильно замечтался, что представил это. Вот ведь откуда в их квартире взялась сказочной птице? Не волшебник же его папа, в самом деле. Так что для собственного спокойствия Витя отло-

жил этот случай в особую папочку памяти под названием «Неопознанные явления». Там уже хранились бумажные кораблики, которые сначала устраивали морской бой в ванне, а после уплывали через трубу в океан, а ещё самолётики, уносящиеся к далёким звёздам.

В вагоне мальчик занял своё место. Проводница принесла бельё и чай с пирожками. После ужина Витя долго смотрел в окно, где мелькали силуэты деревьев, постепенно растворяясь в темноте. На него напал страх, хотя и соседи по купе, и проводница обещали маме присмотреть за ним. Но никогда ещё он не оставался один без родителей. Поэтому на него нахлынула грусть, а вместе с ней и особый поэтический зуд, когда слова сами складываются в строчки:

В сини темнеющих небес
Мерцает яркая звезда.
И, пролетая через лес,
Сквозь время мчатся поезда.

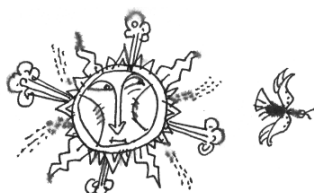
Они стремятся в дальний край,
Чтоб людям встречу подарить,
Москву и дивный Первомай
Между собой соединить.

Витя не был уверен, что существует такой город — Первомай, хотя слышал от взрослых это название, но всё же записал стихотворение в блокнот. После пожелал попутчикам спокойной ночи и лёг на полку. Куда он едет? Кто его встретит? Мысли мешали, как надоедливые мухи. Хотелось плакать. Но мальчик сдерживался — ещё примут за слабака. Постепенно он успокоился и сам не заметил, как заснул.

Разбудили его рано утром. Поезд остановился посреди поля, на котором стояла покосившаяся табличка с надписью «Куличково». Ни вокзала, ни даже платформы не наблюдалось. Заспанная проводница помогла Вите спуститься, и состав тронулся. Витя остался один. Холодок пробежал по позвоночнику: никого! Он потерялся! Что же делать? Витя огляделся: солнце золотило лохматые макушки дальнего леса, цветы приоткрывали бутоны, вокруг них гудели трудяги-пчёлы, да ещё неподалёку неспешно прохаживалась Каркуша.

— Ну, здравствуй, внучок, — раздалось над ухом. — Давай знакомиться.

Глава 2 Деревня кикимор

Полное имя прабабушки было Ядвига. Взглянув ей в лицо, Витя растерялся, сколько же бабе Яде лет на самом деле? Мама говорила, около восьмидесяти, а по виду — намного меньше. Со спины она вообще походила на девчонку: маленькая, всего на полголовы выше Вити, и худенькая. Большие ярко-голубые глаза смотрели пытливо, словно видели правнука насквозь, как рентгеновские лучи. Она не дала ему и рта открыть, повела по узкой дорожке, протянувшейся в густой траве, бросив на ходу:

— Не отставай, а то ищи тебя потом как ветра в поле.

— А чего искать? — удивился Витя, сажая ворону на плечо. — Тут же всё как на ладони.

— Это ты как на ладони. Сойдёшь с дорожки, лесий тебе глаза отведёт, тропки перепутает, голову закружит.

— Выдумки! — Витя недоверчиво хмыкнул.

— Ишь ты умный выискался, городской... — недовольно протянула баба Яда. — Можешь попросить. Только предупреждаю: сразу искать не стану — за одного учёного целых двух неучёных дают. Поплутаешь денёк — сразу проникнешься.

С тропы Витя сходить не стал... на всякий случай.

Дорожка свернула в молодой пролесок, побежала через буйную поросль березняка и уткнулась в небольшую деревушку. Домов в ней стояло немного, да и те, что имелись, просели от старости. Витино лицо вытянулось: Куличково показалось ему очень неудобным местом.

— А ты что хотел? Всё же у чёрта на куличках живём, не зря деревню Куличково назвали. Вокруг одни леса да болота, — съязвила баба Яда. — Дворцов здесь нет.

Дворцов и замков Витя, конечно, увидеть не ожидал, но думал, что приедет в обычную деревню, где и жителей много, и избы нормальные. Они с классом ездили за город на разные экскурсии, так что Витя думал, что всё знает о деревне. Дома из шлифованных брёвен, ровные заборы, яркие палисадники, асфальтированная дорога. Оказалось, не так. Забавного мало: от родного дома далеко, бабкина деревня — глушь какая-то, да и сама она необычная, всё время странности говорит. Мама точно знала, куда его отправила?

Они зашли в крайнюю избу. Витя осмотрелся: низкие потолки, деревянные лавки, печь на полдома. Лучше бы он в квартире один остался!

— Не вздыхай, сам виноват, — осадила внука баба Яда.

— А что я-то сразу? — вскинулся Витя.

— А нечего сюда с плохим настроением приезжать. Как ты к нам относишься, так и мы к тебе. Кто весёлый приходит, того как самого дорогого гостя изба встретит.

— Не понял.

Бабушка лишь рукой махнула:

— Потому не понимаешь, что не нашей ты крови уродился. И родители у тебя путные, и бабки с дедами... да и я сама. А ты в кого такой вылупил-ся, ума не приложу. — Она внимательно оглядела внука: — Глаза наши, с хитринкой, нос курносый наш, даже пятно с голубиное яйцо на правой руке, а сам чужой. Смотришь и не видишь, что у тебя под носом творится.

— А что у меня под носом творится? — обиделся Витя. — Я сюда, между прочим, ехать не нанимался. Мне и без вашей деревни неплохо жилось. Я не виноват, что маме на какую-то конференцию надо, а папа в командировке застрял.

— Ты старших не перебивай, мал ещё. Не о том речь веду. Сходим с тобой в одно место. Кикиморка называется. Пусть на тебя там по-

смотрят как следует, а то сомнение у меня одно появилось.

Баба Яда пошла на кухню готовить завтрак, а Витю охватило уныние: мало того что родители вечно чего-то недоговаривают, а тут ещё и бабуля с причудами, видимо, из-за преклонного возраста. Обвиняет непонятно в чём. Можно подумать, если бы он сюда весёлый приехал, всё по-другому бы случилось! Эх, скорее бы обратно вернуться!

Завтрак Вите понравился. Бабушка сварила кашу, пшённую, но что это была за каша! Рассыпчатая, душистая, с румяной запечённой корочкой, прямо из печи. Витя ел так, что только за ушами попискивало.

— Не части, жуй тщательнее, — улыбнулась баба Яда.

Витя улыбнулся в ответ и обомлел: потолок в избе словно приподнялся, скамейки сменились мягкими креслами, даже телевизор, оказывается, тут имелся. Его шнур заканчивался ярким мухомором в белую крапинку.

— А ты думал! — довольно хмыкнула баба Яда, проследив за взглядом внука. — До нас электричество не дотянули, но мы и сами с усами, все новости столичные знаем.

— Баб, это ведь гипноз такой? — Витя не знал, что и подумать.

— Сам ты гипноз, дурень! Говорила я тебе, что с хорошим настроением надо в гости приезжать, а ты не верил.

«Может, воздух тут у них особенный? — размышлял мальчик. — Какие-нибудь испарения с болот, которые вызывают зрительные галлюцинации?» Но вслух своими мыслями делиться не стал. Решил понаблюдать сперва за бабой Ядой.

Днём отправились в Кикиморку. Витя, помнивший давешние наставления, не отставал и по сторонам старался не глазеть, чтобы не сбиться с пути. Правда, на лесной прогалине увидел мощный пенёк, в центре которого торчал нож. Он только подумал, что уж больно ручка у ножа гладкая, словно из кости выточена, не мешало бы таким лезвием заручиться, как бабушка строго одёрнула:

— Не тронь! Не тобой воткнуто, не тебе и вынимать.

В этот момент к ним подбежал большой серый пёс. Витя осторожно погладил пса по голове — ему давно хотелось завести собаку, но родители не соглашались.

— Привет, Ядвига! — заговорил пёс. — Это что, внучок твой? Красавец, весь в тебя!

Вите сделалось не по себе: он внезапно понял, что это совсем не собака, а самый настоя-

щий волк, к тому же и говорящий — чего совсем быть не могло. Папка «Неопознанные явления» трещала по швам: последние факты никак не желали в неё вмещаться. Во что его мама впутала? И кто она сама, кто баба Яда? Люди такими не бывают!

Волк почесал задней лапой за ухом и задумчиво произнёс:

— Вот уже и дети выросли, внуки оперились, правнуки подрастают. Как время-то летит!

Он перепрыгнул через пенёк и обернулся старичком.

— Ну, как звать-величать тебя, добрый молодец? — обратился он к Вите.

— Витя, — с запинкой ответил тот.

— О, Виктор Иванович, значит. А меня Степанычем кличут. Вечерком в гости заходите. Я пирог с земляникой испеку.

Дед неспешно отправился прочь, а Витя пустился в расспросы:

— Баб, а это кто? Оборотень? Он настоящий? В смысле он по-настоящему волком становится или нам только кажется, что он волк?

Баба Яда одёрнула:

— Не части, который раз рассказываю. Не оборотень, а колдун. А хороший колдун может и волком, и филином обернуться, а может просто глаза отве-

сти, видимость создать. Неужто мать тебе ничего не сказывала?

— Ничего, — пожаловался Витя. — Тут недавно у нас в квартире курица в феникса превратилась, а сказали, что мне это всё приснилось!

— Ладно, вечером разговор у нас будет, тогда и объясню.

Вите пришлось довольствоваться этим. Но ничего, скоро он всё узнает!

Кикиморка располагалась возле болота, затянутого мхом.

— Не вздумай туда ходить, — предупредила внука баба Яда, — а то попадёшь в топь, и поминай как звали.

Она постучала в ближайшую дверь:

— Клюковка, ты дома?

— Дома я, дома, — раздалось из окна.

Дверь скрипнула, на пороге показалась женщина средних лет: худая и угловатая, её нос походил на кончик карандаша, такой же острый и тонкий.

— Здравствуй, Ядвигочка. В гости надумала?

— Вопрос один есть, пошептаться надо бы. А ты, Витенька, ступай погуляй, — велела баба Яда и повернулась к Клюковке: — Васька-то дома? Пусть с моим познакомится.